

**REPORTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

ISSN 2224-5227

Volume 3, Number 307 (2016), 156 – 166

UDC 94(3) 930.2

**TURKIC RUNIC MONUMENTS AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF KAZAKHSTAN**

K.U. Torlanbayeva

Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov
torlanbayeva@mail.ru

Keywords: runic monuments, history, source study, Turk, Kazakhstan, Central Asia.

Abstract. In presented article the author investigates Turkic Runic monuments as a source on the history of Kazakhstan. In the centre of attention of the author it is not only the Runic inscriptions, which have been found on the territory of Kazakhstan, but also the Big monuments in Mongolia. The events connected with a campaign of East Turkic on Turgesh have the direct relation to history of Kazakhstan in Early Middle Age, its settled and nomadic areas.

Methodological basis of research is the historiographic analysis of the researches occupied on problems of the historical studying of monuments runics letters. A.S.Amanzholov's and J.A.Zueva's monographics works have been put in an analysis basis.

The conclusion that in the history of Early Middle Age of Kazakhstan there were the considerable events connected with relations of Turks and Turgeshs and the statement autochthonic of the political power in Zhetysu became result of the research.

The received results can be used during analytical works on the history of Kazakhstan and the adjacent countries. A scope of results is turcology, the source study and history of the Turkic people.

УДК 94(3) 930.2

**ТЮРКСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА**

К.У. Торланбаева

Институт истории и этнологии им Ш. Валиханова

Ключевые слова: рунические памятники, история, источниковедение, тюрки, Казахстан, Центральная Азия.

Аннотация. Главной целью исследования является изучение тюркских рунических памятников как источников по истории Казахстана. В центре внимания не только рунические надписи, обнаруженные на территории Казахстана, но и Большие памятники Монголии. События, связанные с походом восточных тюрков на тюргешей, имеют прямое отношение к истории раннесредневекового Казахстана, его оседлых и кочевых областей.

Методологической основой исследования является историографический анализ казахстанских работ по проблемам исторического изучения памятников рунического письма. В основу анализа были положены труды А.С. Аманжолова и Ю.А. Зуева.

Результатом исследования стало заключение о том, что в истории раннесредневекового Казахстана происходили значительные события, связанные с тюрко-тюргешскими отношениями и утверждением автохтонной политической власти в Жетысу.

Полученные результаты могут быть использованы в ходе аналитических работ по истории Казахстана и сопредельных стран. Областью применения результатов является тюркология, источниковедение и история тюркских народов.

Тюркские рунические памятники, распространенные среди кочевого населения Евразии, являются важным историческим источником по истории Казахстана.

Среди многочисленных исследований по руническим памятникам в настоящем историографическом анализе мы бы хотели осветить работы таких казахстанских ученых, как А.С. Аманжолова и Ю.А. Зуева, и сосредоточится на тех вопросах, которые относятся к истории и источниковедению Казахстана.

Монография А.С. Аманжолова «История и теория древнетюркского письма» (2003 г.) является плодом многолетней работы автора по изучению лингвистических и филологических аспектов рунической письменности тюрков. В этом исследовании Алтай Сарсенович систематизирует современные знания о руническом письме, его графических системах, правилах чтения рунических надписей различных локальных групп, дает «уточненные» их переводы с учетом всех филологических оснований и правил. Казахстанский ареал распространения рунического письма находится в центре его трудов, находки рунических надписей на нашей территории открывают возможности для выяснения вопросов историко-этнических связей тюркских народов.

По мнению А.С. Аманжолова, собственно на территории Казахстана рунические надписи можно классифицировать по месту их находок, это: иртышские, сырдарьинские, илийские, яикские (уральские) [1, с. 12].

Начало же археологических исследований руники на территории Казахстана началось в 1893 г., когда в целях поисков памятников древности на территорию Семиреченской и Сырдарьинской областей Туркестанского генерал-губернаторства была направлена экспедиция Русского Археологического общества во главе с В.В. Бартольдом. Предполагалось, что Семиречье (*каз.* Жетысу) как центр древней культуры, о котором писали китайские и арабо-персидские авторы, также мог быть центром распространения древнетюркского письма. Оживление интереса у местных краеведческих обществ и энтузиастов привело к первым находкам руники в 1896 и 1898 годах [2]. Это были каменные валуны с руническим письмом, названные Таласскими памятниками. С тех пор они приобрели свое отдельное от орхоно-енисейских памятников место в классификации рунической письменности на основе места их нахождения. В современный исторический период область обнаружения таласских памятников находится на территории суверенного Кыргызстана.

А.С. Аманжолов в этой работе уделяет особое внимание казахстанским находкам рунического письма, их чтению и переводам. Рунические и руноподобные надписи и знаки на отдельных предметах, скалах, камнях, балбалах и т.д. на протяжении XX в. обнаруживались на Иртыше, Сырдарье, Или, Чу и охватывают территории Восточного и Южного Казахстана.

Рунические надписи, найденные на территории Казахстана, и сопредельных современных областях Кыргызстана и Узбекистана, наносились на разные предметы, круг которых весьма разнообразен, это и зеркала, хумы, амулеты, кольца, блюда и т.д. Например, знаменитая Таласская палочка, обнаруженная в 1932 г., представляет собой деревянную палочку, на которую с четырех сторон были нанесены рунические письмена. Краткие рунические надписи встречались на глиняном хуме из городища Кой-Крылган-Кала на Амударье [1, с. 8]. Руническая надпись на керамическом амулете обнаружена во время раскопок городища Ак-тобе 1 на левом берегу Сырдарьи [1, с. 239-241].

Казахстанский круг рунических находок отличается тем, что для нашего ареала характерно разнонаправленность использования рунической письменности и различные их связи в региональном отношении, рунические надписи немногочисленны, не встречено памятников с большим повествовательным объемом. Например, Семиреченский ареал, охватывающий территории Южного Казахстана и Северного Кыргызстана с древнейших времен был центром интенсивных связей между народами, и не только по линии скотоводческих и земледельческих взаимосвязей. Как считают авторы книги «Художественные бронзы Жетысу» (2013 г.), находки многочисленной керамики в Семиречье свидетельствуют о существовании на этой территории религиозно-ритуального комплекса сакских племен в эпоху поздней бронзы и раннего железного века [3, с. 70-71]. Вероятно, это же значение не потеряло регион и в ранний тюркский период. В этом смысле интересными являются Таласские памятники, которые имеют уникальную

особенность, они наносились с какой-то определенной целью на валуны и, возможно, их находки входили в состав ритуально-погребального или храмового комплекса. По описанию Д.Ф. Винника и П.Н. Кожемяко урочище Айртам-Ой на протяжении многих десятков лет со времени находок таласских валунов многократно распахивалось и засевалось и поэтому точную дату нанесения на валуны руники определить невозможно. Остатки поселения, где были обнаружены камни-валуны (некоторые из них достигают огромных размеров, например, 1,25x0,7x0,6 м.) по археологическим слоям и найденной керамике относятся к караханидскому времени X – XII вв. Местные жители это городище называли Кескен-Тюбе. Как отмечают авторы исследования, восстановившие по описанию В.А. Каллауром первые находки таласских памятников (второй таласский памятник) и обнаружившие другие (восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый таласские памятники): «Оба (последних – К.Т.) находились в непо потревоженном материковом галечно-песчаном грунте. Культурный слой в данном месте отсутствует. Только на поверхности встречаются черепки глиняной посуды. Судя по стратиграфии раскопок, заложенных на поселении, можно сделать следующий вывод: камни с письменами были здесь еще до того, как возникло городище (Кескен-Тюбе – К.Т.), т.е. до X в.» [2, с. 10].

О религиозном содержании таласских памятников говорил Ю.А. Зуев. По его мнению, во втором таласском памятнике говорится о Кара-чоре – носителе «духовной должности», который руководил и заботился о консорции «отуз оглан» (тридцать сыновей-воинов), т.е. слушателей манихейской «школы» в тюркской среде в период существования Тюркешского каганата, т.е. за два века до Караханидов. В этом случае, вторая строка этой надписи приобретает смысл при таком ее чтении: «Мое геройское имя – Кара-чор. Почетно имя – «Кара – не согрешит» [4, с. 201]. Чтение и переводы этих таласских памятников по своему смыслу напоминают тексты енисейских памятников ритуально-погребального содержания, где также упоминаются слова «отуз эр» - «тридцать воинов», «инал» - «верный» [5, с. 62, 219 и др.].

Илийские рунические надписи, которые обнаружил и исследовал А.С. Аманжолов, можно условно подразделить на 3 группы. 1) Это рунические надписи на скалах, в местах охоты местных племен, по содержанию они относятся к охотничьей магии (надписи из ущелий Терексай, Надыр, Садыр) [1, с. 209-213]. 2) Греческие наскальные надписи в культово-религиозных местностях в ущельях Тайгак и Тамгулукташ [1, с. 223-234]. 3) Предметы, на которые были нанесены руноподобные, рунические и грекографические надписи на серебряной чаше из сакского кургана, бронзовом перстне тюркского времени, каменном пряслице из Талгарского городища [1, с. 214-224, 235-236]. Этот набор надписей, прочитанных А.С. Аманжоловым, свидетельствует о традиции местного населения делать надписи как элемент охотничьей магии и в местах, служащих в разное время культовыми.

В целом, предположим, что семиреченский и илийский комплексы надписей могут относиться к одному ареалу расселения скотоводческого и земледельческого населения взаимодействующего в разные исторические периоды. Также в этой области существовали определенные ритуально-культовые места, в тюркское время, имеющие отношение к манихейским святилищам. Жетысу было местом сосуществования и соприкосновения скотоводческих и земледельческих культов автохтонного сакского, и затем тюркского населения. Среди множества вопросов истории Семиречья возникает и вопрос о языковых и культурных взаимодействиях ираноязычных и тюркоязычных народов.

В этой связи важным вопросом исследований А.С. Аманжолова является генезис рунического письма. В рассматриваемой работе прослеживается развитие письма от пиктографии к идеографии, показывается возможность происхождения рунического письма в результате длительной самостоятельной эволюции от древнейшего лотографического или алфавитного письма III – II тысячелетия до н.э. [1, с. 295]. Как заключает автор: «Палеографические и фонологические связи тюркских рунических знаков (графем) свидетельствуют о длительной эволюции тюркского рунического письма в процессе становления древнетюркской речи, завершившийся в общих чертах не позже IV – I тысячелетий до н.э. Следовательно, тюркский рунический алфавит, история и генетические связи которого получают принципиально новое освещение, может стать исключительно важным источником для исторической фонетики тюркских языков» [1, с. 300].

В настоящее время в тюркологии нет признанного мнения о происхождении рунического письма, а выявляется существование двух основных мнений, это: экзогенное (В. Томсен, О. Доннер, Дж. Клосон, В.А. Лившиц и др.) и эндогенное (А. Шифнер, Н.А. Аристов, А. Дж. Эмре, Б.Напил и др.) происхождение тюркского рунического письма [1, с. 291]. Существование таких противоположных мнений не удивительно в той связи, что скотоводческие общества находились во взаимоотношениях с земледельческими, создавались постоянные условия для заимствований культурных ценностей. Очень интересен в этом отношении весь Южный Казахстан, и Жетысу занимает особое место, на территории которого формировались и существовали государства Канцзюй, затем это территории Западнотюркского каганата, эта область постоянных контактов с Ташкентским оазисом и другими княжествами сырдарьинской, амударьинской и восточнотуркестанской областей, а также притяньшанскими территориями. Надо сказать, что в связи с этим историческим прошлым региона уже на протяжении длительного времени на территории Южного Казахстана ведутся планомерные археологические раскопки ранних памятников IV в. до н.э. – VI в. н.э. В свете находок культюбинских надписей, происходящих из городища Культюбе, которое входит в группу крупных объектов арыско-бадамского укрепленного района (Ордабасинский район Южно-Казахстанской области, долина р. Арысь), экзогенное происхождение рунического письма усиливается. Относительно признанным на сегодняшний день является прочтение Н. Симс-Уильямсоном культюбинских памятников как раннего согдийского письма [6, с. 153-172].

В этот же круг южно-казахстанских археологических находок входят, выделенные А.С. Аманжоловым, сырдарьинские памятники рунического письма, которые представлены немногочисленными находками, среди которых рунические надписи на керамическом амулете, на сырцовом кирпиче и керамических сосудах. Как считает автор руническая надпись на амулете имеет сходство с «печатью»-амулетом из сакского городища Каунчи II близ Ташкента [1, с. 240]. По содержанию сырдарьинские надписи наносились для конкретных целей: в качестве магического заклинания-оберега и заклинания, связанного с культурой земледелия, подпись мастера на керамическом горшке и другие. Графика сырдарьинских рунических надписей носит характер «народного» творчества, с влиянием графических образов других письменностей, возможно, того же согдийского, одновременно это может свидетельствовать о грамотности населения и распространенности этого вида письменности среди населения региона.

Иртышские рунические памятники Казахстана в отличие от таласких не составляют какой-либо комплекс, как предполагаем, религиозного содержания, однако они также обладают собственным своеобразием. Их всего лишь несколько, это: прототюркская руническая надпись на костяной бляхе, руническая надпись на китайском бронзовом зеркале и зеркале местного производства, две наскальные рунические надписи из долины Иртыша, рунические надписи на серебряном браслете и каменной печати.

Руническая надпись на китайском бронзовом зеркале была обнаружена в Урджарском районе Восточно-Казахстанской области в 1935 г. и в настоящее время находится в Государственном Эрмитаже. Зеркало относится к танскому времени и, по мнению А.С. Аманжолова, палеография и языковые особенности отражают диалектные характеристики древнетюркского языка и относятся к орхоно-енисейскому типу [1, с. 200].

В 1969 г. там же в Восточно-Казахстанской области на правом берегу Иртыша в курганном погребении женщины было обнаружено бронзовое зеркало с рунической надписью. Это зеркало в отличие от китайского было местного производства. Зеркало и другой инвентарь был обнаружен в разновременном семейном захоронении кимаков. Исследование погребения, перевод рунической надписи и историческую интерпретацию дали еще в 1972 г. Ф.Х. Арсланова и С.Г. Кляшторный [7, с. 306-315]. В своем исследовании А.С. Аманжолов дает перевод надписи на зеркале, уточняет палеографию и значение отдельных слов [1, с. 202]. Содержание рунической надписи носит выраженный этический постулат, по мнению С.Г. Кляшторного, отражает влияние буддийской идеи о воздаянии, отвергающие наиболее сильные эмоции мирского мира [7, с. 314]. Археологические находки свидетельствуют о том, что в древности и средневековье Восточный Казахстан и Южная Сибирь находились в едином географическом и социо-экономическом

пространстве и основными жителями этих областей были скотоводческие общества, кочевые племена, создавшие отличную от земледельческих обществ культуру.

Одним из уникальных находок Прииртышья и Приобья являются находки отлитых из металла рыб [7, с. 310]. Ю.А. Зуев в разделе своей монографии о кимеках на Иртыше обосновывает существование культа дракона~крокодила~рыбы~реки (Иртыша) в легенде, зафиксированной Гардизи о кимаках [4, с. 132-133]. В кимакском погребении нашел отражение наиболее важный культ тюркских племен, широко распространенный в степных пространствах. Вместе с тем, руническая надпись с упоминанием огненно ярко-красного дракона, в переводе А.С. Аманжолова, выступающего как покровитель: «Покровитель – красновато-рыжий дракон – *jebči jegrān at lū*» [1, с. 202], безусловно, подтверждает священный образ дракона. Драконьи навершии тюркских памятников в Монголии достаточно хорошо известны [8, с. 10]. Древнетюркское название люй\лу обозначало дракона в китайских источниках и имело распространение в китайской мифологии, но и в тюркской среде, в том числе, и у кимаков в употреблении был его среднеперсидский вариант, связанный с авестийским словом «*aži*» – «Змей», «Дракон». В легенде по Гардизи, это слово отразилось в обозначении одного из семи тюркских племен – «ажилар» [4, с.132-133].

Таким образом, иртышские рунические надписи Казахстана, несмотря на свою краткость, все же позволяют обозначить существовавшие среди кочевых племен наиболее важные религиозные культуры.

Яикские рунические надписи из находок в Западном Казахстане обозначены у А.С. Аманжолова на двух предметах: бронзовом зеркале и сасанидском серебряном блюде [1, с. 247-250]. Вероятно, эти находки попали сюда вследствие торговых и других отношений между народами.

Монография Ю.А. Зуева «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии» (2002 г.) стала важнейшим исследованием в области тюркологии, древней и раннесредневековой истории Центральной Азии, введением в научный оборот и изучением китайских летописей. Монография является плодом долгих научных исследований, в основу ее легла серия очерков о раннетюркских племенах и объединениях государственного типа, идеологические воззрения которых во многом совпадают и имеют общую основу, восходящую к последним столетиям до нашей эры. Важным для развития исторической тюркологии являются выводы ученого о значении Больших памятников Монголии, и основном политическом событии, которое представляется уникальным письменным свидетельством по истории Казахстана Семиреченского и Сырдарьинского ареалов. Речь идет о центральном сюжете трех Больших памятников Монголии – это тюрко-тюркешской войне периода правления Капаган кагана (*кит.* Мочжо, 691 – 716 гг.) у восточных тюрков и Сакал кагана (*кит.* Согэ, 706-711 гг.) у тюркешей. Но первоначально остановимся на характеристике и содержании памятников, дающих аутентичные сведения о социальной системе скотоводческого общества для всей Центральной Азии.

Памятник в честь Кюль тегина с самой большой рунической надписью тюрков был возведен после его гибели в 732 году. Кюль тегин был младшим братом Бильге кагана (*кит.* Могилян, 716-734 гг.), его сподвижником и полководцем. Со времен В.В. Радлова установлено, что памятник в честь Бильге кагана был сооружен также после его смерти в 734 г., т.е. в 735 г. [9, с. 34]. Об этих датах нам сообщают китайские летописи [10, с. 1-36]. Эти две надписи очень близки по повествованию о военных событиях, политической обстановке в период правления Эльтериш кагана, Капаган кагана и Бильге кагана, не отличаются в оценке и роли кагана в жизни общества. Центральной идеей этих надписей является мысль о божественном праве каганов из рода Ашина на власть над тюркским народом, просматривается нерушимая связь кагана с элем (народом). При всей схожести этих надписей существуют и отличия. Надпись в честь Кюль тегина по сравнению с надписью Бильге кагану лучше сохранилась, она – самая большая по повествовательному объему, литературно выразительна, дает наиболее полное представление всей истории тюрков с легендарной эпохи правления первых каганов, Бумына и Истеми, до трагической гибели Кюль тегина и устроенного в честь него пышного похоронного обряда. Надпись Бильге кагану плохо сохранилась, имеет множество стертых под воздействием времени, природы и человеческого вмешательства строк, которые уже невозможно восстановить, по повествовательному объему она уступает надписи Кюль тегину, более того, она не содержит такого литературно хорошо сформулированного и отредактированного текста, каким является надпись Кюль тегину.

Надпись Тоньюкука была высечена на каменной стеле при его жизни, однако, точная дата этого события неизвестна. Как считают исследователи, она была возведена в родовом урочище Тоньюкука на Кокшин-Орхоне вблизи р. Тола, по его собственному приказу [11, с. 1-3]. Стела неплохо сохранилась, события, о которых говорится в надписи – это период зависимости восточных тюрков от Танского государства до времени правления Бильге кагана включительно. Эта надпись также достаточно велика по объему и относится к Большим памятникам тюркской письменности. В отличие от двух орхонских надписей, в честь Бильге кагана и Кюль тегина, текст стелы Тоньюкука носит «полемический» характер [12, с. 88]. Автор надписи с иной точки зрения освещает роль и место кагана в военных и политических событиях в каганате. Кагану приписываются доблесть и военная отвага, тогда как свою роль Тоньюкук видит в исполнении приказов каганов; он выступает инициатором всех важных дел государства, военачальником и советником кагана. Основной мыслью Тоньюкука является признание невозможности существования каганата тюрков без кагана, признания его главенства и законного права, однако осуществление власти кагана возможно при согласии с тюркским народом.

Памятники в честь Кюль тегина, Бильге кагана и прижизненная стела Тоньюкука являются выдающимися образцами тюркской рунической письменности возникшей в период наивысшего расцвета устного эпоса тюркских племен Центральной Азии, они отражают реально-исторические события важные для общества того времени. Надписи содержат, взаимно дополняя друг друга, связанное изложение истории государства восточных тюрков. В историографическом плане эти три памятника неотделимы друг от друга. Обладая значительным повествовательным объемом, надписи содержат перекрестные известия по истории каганата. Одновременно, они наиболее изучены с филологической точки зрения. При чтении надписей перед нашими глазами возникают картины борьбы тюркского народа против танской зависимости, образования и становления каганата, сюжеты победоносных походов и внутренней борьбы между тюркскими племенами. Бильге каган, Тоньюкук и Кюль тегин – это высшие деятели государства, представители идеологически функционально различных племен – Ашина и Ашидэ, – которые олицетворяли отцовское и материнское права управления и наследования, в родоплеменном отношении – это каганский и катунский рода [13], представители двух сторон одной семьи/династии. Поэтому содержание памятников может раскрывать их социально-политические позиции. Согласно исследованиям Ю.А. Зуева, традиционные устои и необходимость двойственного соправления обозначена в надписи представителя племени Ашидэ Тоньюкука. Справедливость каганского моноправления попытались доказать авторы надписей в честь Кюль тегина и Бильге кагана, представители племени Ашина. Сооружение этих памятников было вызвано острым конфликтом 716 года, затем вероятного возведения стелы Тоньюкука как главы племени Ашидэ, олицетворяющего тюркский народ и соответственно обозначившего вклад тюркских племен в победы кагана. И после этих событий у племени Ашина обозначилась необходимость объяснения политических позиций в камнеписной форме как декларации верховной власти каганов Ашина над тюркским народом.

Эти памятники с момента их обнаружения стали темой исследования многих ученых, однако, как неоднократно замечалось, «чтение и перевод больших орхонских текстов VIII в. местами все еще оставляет желать лучшего», не говоря уже о наиболее трудночитаемом Онгинском памятнике. Новый перевод этой надписи был сделан А.С. Аманжоловым, который уверен, что надпись была произведена в смутный период междоусобной борьбы тюркских племен, в 716 г., и посвящалась Капаган кагану [1, с. 187]. Вариант сопоставительного анализа надписей Тоньюкука, Кюль тегина, Бильге кагана и Онгинского памятника дает основание высказать предположение об их связи с одними и теми же событиями. Онгинский памятник повествует, о важном и неоднородном военно-политическом событии, случившемся в каганате. Вероятно, этот памятник был призван осветить события междоусобной борьбы, опережая их политическую оценку, данную Тоньюкуком и Бильге каганом.

Таким образом, дав предварительную характеристику содержания памятников, хотелось бы остановиться на выводах, к которым приходит Юрий Алексеевич. Одним из важнейших его заключений, поддержанных и мной, является новый взгляд на историческую ценность этих памятников, в том числе и для истории раннесредневекового Казахстана.

Во-первых. Важным внешнеполитическим направлением политики Капаган кагана были отношения с Тюргешским каганатом (699–766 гг.). Тюргешские каганы претендовали на то, чтобы считаться правопреемниками правителей Западного Тюркского каганата, т.е. каганских Ашина и соответственно стали наследниками обширных стратегических каналов на Великом Шелковом пути в юго-западном и восточном направлениях. Согласно китайским летописям, первым тюргешским каганом был бага-таркан Учжилэ (*тюрк.* Йузлик-jüzlig – «обладающий сотней», 699–706 гг.). В старой редакции «Истории династии Тан» сообщается, что он был предводителем «обособленного племени западных тюрков» и упоминается во время правления Хэлу кагана. Этим обособленным племенем в составе западных тюрков, согласно китайскому списку племен западных тюрков, находившихся под властью Хэлу кагана под 651 г., и «Изначальной черепахе» было только одно племя тюргешей – это хэлоши или алаши (*кит.* хэлоши <ya-la-sie; *тюрк.* *алач, *кит.* алаши <at-lât-sie, *тюрк.* *халаш или *халач, по восстановлению Ю.А. Зуева). В Танском эдикте 736 г. сообщается, что тюргеша «по происхождению не благородных отраслей, вышли из чужих фамилий», т.е. происходили из разных племен [14, с. 58]. По мере ослабления власти западных тюрков и междоусобной борьбе «все дальние и ближние согдийцы-ху примкнули и подчинились ему. Он (Учжилэ) учредил (у них) должности двадцати военноподчиняющихся – тутуков, у каждого было по 7000 воинов. Обычно он проживал в северо-западных пределах (страны) Суйаб, а впоследствии, постепенно нападая, занял ее. Он перенес сюда свою орду-ставку и стал жить здесь» [15, с. 30; 3, с. 302]. Таким образом, тюргеша были в составе западных тюрков, они объединяли различные племена, являясь пестроплеменными, они концентрировались в Кенгю-Тарбана, т.е. в Отрарском оазисе, на Сырдарье, где Кенгю и Тарбан – это форпосты тюркских кочевий [14, с. 58; 4, с. 176].

Возрождение в 682 г. Второго Восточнотюркского каганата предполагало восстановление степной империи в прежних границах. С этой целью Капаган каган даже пожаловал своему сыну в 699 г. титул «малого кагана», и предполагалось, что он возьмет в свои руки власть над западнотюркским крылом, т.е. территориями и коммуникационными путями Тюргешского каганата. Поэтому борьба с каганами из тюргешей стала одной из главных задач Капаган кагана. События военно-политического характера между восточными тюрками и тюргешами демонстрируют переломный период в истории Центральной Азии, показывающий стремление восточных тюрков восстановить власть Ашина в западном крыле бывшей Тюркской империи, и одновременно сопротивление тюргешей, сумевших создать в Южном Казахстане и Жетысу свою правящую династию. Повествование этого события становится центральным содержанием трех памятников Монголии, локализация этих событий протекала на территории современного Казахстана. По китайским летописям становится известно, что непосредственной причиной для войны восточных тюрков и тюргешей стало обращение младшего брата тюргешского кагана Чжэну к Капаган кагану за помощью против Сакал кагана, верховного правителя тюргешей [16, с. 303].

Во-вторых. Сличение событий тюрко-тюргешской войны в китайских хрониках показывает, что это событие произошло в 708 г., а не в 712. Главным источником этой даты являются китайские летописи периода династии Тан, пересмотр которых по этой дате и этому событию был первоначально дан в переводах летописей китайским ученым Цэнь Чжунмянем (1958 г.). Затем в переводах и монографии японской исследовательницы Наито Мидори «Ниси токкэцу си но кэнкю (История западных токкэцу-тюрков)» (1987 г.). Как пишет Ю.А. Зуев: «Наито Мидори так и назвала раздел в своем исследовании по истории западных тюрков «Тюргешский поход восточных тюрков-туцзюе во 2-м году периода Цзин-лун, 708 г.» ... До нее китайский историк Цэнь Чжунмянь привел свидетельства, что обозначение периода С14299, 12272 Цзин-лун (707–710 гг.) в ряде случаев (в том числе в «Истории дин. Тан») было ошибочно заменено сходным по написанию С14299, 15095 Цзин-юнь (710–711 гг.)» [4, с. 166, 165–167]. Война с тюргешами происходила во 2-м году периода Цзин-лун, т.е. в 708 году. К сожалению, по текстам рунических памятников невозможно определить дату этого события.

В-третьих, решающая битва между тюрками и тюргешами произошла при р. Болчу, окончившаяся победой тюрков. По мнению Р.Жиро, это могла быть современная река Булун-тохой на востоке от Улунгура в Джунгарии [17, с. 179]. Путь восточных тюрков лежал через Джунгарские ворота первоначально в Илийскую долину, в Восточном Жетысу. В Джунгарии произошло решающее сражение тюргешей и восточных тюрков. Именно эта победа стала залогом

дальнейшего продвижения восточнотюркских войск в глубь Западного Жетысу, в Таласскую долину и затем Присырдарью. По китайским хроникам известно, что Сакал каган Таласскую область с городом Талас дал в управление Чжену, своему младшему брату [16, с. 305; 4, с. 165]. Продвижение восточных тюрков в Таласскую долину как центр Малой ставки-орды у западных тюрков и затем тюргешей открывал путь в Суйаб и в Присырдарью. Только в надписи Кюльтегину единственный раз в камнеписных источниках употреблены этноним «каратюргеш» и название топонима «Табар», не встречающееся больше нигде. Вот как описывается сражение в памятнике: «Войско тюргешского кагана пришло при Болчу подобно огню и вину. Мы сразились, Кюльтегин схватил собственноручно каганского приказного тюргешей, тутука *азов*. Их кагана мы убили, его племенной союз (иль-эль; государство) покорили. Народ каратюргешей (*qara türgeş bodun*) по большей части подчинился [18, с. 29]. Тот народ при *Tabape* (Таласе – К.У.) мы поселили...» (КТБ, 37-38). Поэтому, согласно дальнейшему повествованию в памятниках, продолжением этой военной кампании были события, связанные с покорением согдакских колоний в бассейне р. Сырдарья, находившиеся под тюргешским протекторатом [4, с. 164-166, 175]. Бильге каган сообщает об этом: «Вернувшись с целью устроить *согдакский* народ (*soğdaq bodun*, т.е. согдийский народ, живший на территории Таласской долины и Присырдарьи, но не согдийцы метрополии – Согда – К.Т.), мы, переправясь через реку Йенчу (т.е. Сырдарью), прошли с войском вплоть до Темир-капыга» (КТБ, 39) [4, с. 175]. В тексте стелы Тоньюкука объясняется причина, заставившая восточных тюрков, переправиться через р. Сырдарью: «Мы преследовали их (каратюргешей, точнее, азов – К.Т.), мы заставили их возвратиться» (Тон, 45). В монографии Ю.А. Зуева по вопросу о Темир-капыге (Железные ворота, таких названий на разных языках и в разных источниках было множество) указаны сомнения относительно локализации, реконструированной С.Г. Кляшторным, и соответственно военному походу восточных тюрков в Согд и Самарканд [4, с. 171, 175; 19, с. 139-143].

Таким образом, по реконструкции событий тюрко-тюргешской войны, осуществленной Ю.А. Зуевым, основные военно-политические действия происходили на территории современного Казахстана, и их главным результатом стало признание верховной власти Капаган кагана в пределах бывшей Тюркской империи. С точки зрения восточных тюрков, это признание укрепляло власть племени Ашина в кочевой иерархии Степи, а с точки зрения тюргешей, эта война узаконивала право тюргешской каганской династии на власть в автохтонных землях народа «он ок будун», «десятистрельного» народа.

В-четвертых. Согласно Тан шу, армия Сакал кагана была разбита, а сам он вместе с братом-мятежником был казнен: «Мочжо по возвращению (из похода) сказал Чжену: «Вы, будучи родными братьями, не могли жить в согласии между собой; можете ли с совершенною преданностью служить мне?» И так обоих предал смерти» [16, с. 303]. Длительное время в тюркологии существовало дословное понимание этих танских сведений. Однако в таком случае как можно объяснить приход к власти в 717 г. тюргешского кагана Сулу (*тюрк.* Сюлюк, 717–738 гг.) из того же каганского рода, и почему сын Капаган кагана так и не был провозглашен каганом из Ашина на землях «он ок будун» во время тюркского похода? По мнению Ю.А. Зуева, тюргешскому кагану Сакалу пришлось признать власть Капаган кагана, но это не обозначало его реальной смерти. По китайским источникам, становится известно, что в 709 г. Согэ (*тюрк.* Сакал) отправляет в Чаньянь посланника с просьбой о подданстве, и танский император дарует Согэ новый титул «Цзинь хэ ван» - Государь Золотой реки. Другим его китайским именем стал титул генерала конной гвардии «Тюргешский Шеу Чжун» [4, с. 172]. Восточные тюрки, обеспечив признание своей власти в пределах бывшей Тюркской империи, сохранили местную тюргешскую династию и Тюргешский каганат, просуществовавший до 766 г., был одним из главных препятствий на пути ислама в Среднюю Азию.

В-пятых. Описанные в Больших памятниках события тюрко-тюргешской войны не исчерпываются только военно-политическими характеристиками, также они выдают существовавшего в Тюргешском каганате тюркского манихейства. Распространение в Центральной Азии манихейства обосновывается находками письменных источников в бассейне Тарима, в Дуньхуане и на Орхоне, а также рассказано в китайских летописях. Появление тюркского манихейства явилось результатом тесных экономических и культурных связей ранних

тюрков с Ираном, родиной этой религии, распространившейся от Египта до Кореи в III–XIV вв. Манихейство, будучи гонимой религией, хорошо развило миссионерскую деятельность, корни которой были пущены в караванные торговые сети согдийцев, средневековых персов и ближневосточных торговцев. По мнению Ю.А. Зуева, манихейство ориентировалось на традиционные и наиболее влиятельные в тюрко-согдийской среде местные верования и культы и поэтому оставило значительный след в историко-культурной жизни тюркской эпохи, особенно в периферийных областях взаимодействия [4, с. 189-191; 20, с. 3-6]. Для истории Казахстана – это территории Западного Жетысу и Присырдарьи.

По мнению М. Бойс, после гонений манихеев из Сасанидского Ирана в III в., их главная сила постепенно сосредоточилась за Оксом (Амударьев), по северо-восточной границе Ирана. Со временем согдийские купцы, населявшие оседлые центры на границе со степью, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, становятся адептами и слушателями (нигошак) манихейской церкви [21, с. 125]. Как отмечал В. Хеннинг: «...согдийцы были основными носителями манихейства в Центральной Азии» [22, с. 391-392]. Согласно руническим памятникам, согдийцы, названные согдаками, проживали в оседлых районах Присырдарьи, они были подданными тюркешского кагана. Но также в Чу-Таласской долине как написано в колофоне манихейской «Книги двух основ» (İki jiltiz nom), была страна Аргу-Талас или Аргу улуш, ханом этой страны «Алтын Аргу улуш, городов [Талас] и Кашу, правителем Орду и Чигиль-кента был Иль-Тиргюг Алп Баргучан Алп Тархан-бег вождь (или: начальник; *тюрк.* p[r]a[ʃdan[a]ki) Великих тюрков [из племени] чигиль-арслан» [23, с. 417]. В исследованиях Ю.А. Зуева и затем С.Г. Кляшторного показывается, что манихейскими обителями-монастырями были Талас, Орду, Кашу и Чигиль-кент [20, с. 3-6; 24, с. 48-50]. В анализируемой монографии Ю.А. Зуева ставится вопрос и дается объяснение о том, что в памятнике Кюль Тегину вместо топонима «Талас» было вырезано «Табар» [4, с. 173, 207-209]. Топоним «Табар» должен был указывать на «Талас» как город-купцов, но не центр тюркского манихейства или отличного от династии Ашина новой каганской традиции.

Таким образом, в исследованиях Ю.А. Зуева дано новое понимание центральных событий Больших памятников Монголии, в которых представлена раннесредневековая история Казахстана. Принципиально важно подчеркнуть, что на территории Западнотюркского и затем Тюркешского каганатов шел процесс сложения новой каганской династии, связанной с автохтонным населением этого региона. Традиционной особенностью этого процесса стало сложение каганской династии из этнически разных племен. Важную роль в этом процессе объединения местных племен сыграла согдийская торговля, сложение городской культуры, интенсивных взаимосвязей тюрков и согдийцев и все более нарастающие процессы оседания тюркских скотоводов в пределах этих сообществ на правах верховных правителей, воинов-защитников на трасах караванной торговли, а также религиозная институционализация, приобретаемая в результате усиления влияния манихейства.

Экономическая целесообразность восточнотюркского похода в Тюркешский каганат имела целью установление доступа к торговым караванам этой части бывшей Тюркской империи. В политическом отношении поход способствовал еще большему возвышению Капаган кагана и последующие события междоусобной борьбы, нашедшие трагическое повествование в Больших памятниках стали основой причиной появления этих памятников. Содержание Больших памятников выходят из рамок погребально-ритуального характера и приобретают каганский уровень использования. В дальнейшем в Уйгурском каганате эта новая традиция становится источником для декларации подвигов и походов уйгурских каганов рода Йаглакар.

Одними из важных достижений в тюркологических исследованиях начала XX века в Казахстане, на наш взгляд, являются научные разработки А.С. Аманжолова и Ю.А. Зуева, нашедшее концентрированное изложение в их монографиях. А.С. Аманжолов вносит вклад в развитие казахстанского ареала рунического письма, тогда как Ю.А. Зуев на большом круге письменных источников обосновывает подробности истории восточных тюрков и тюркешей, описанные в Больших памятниках Монголии.

Источник финансирования. Исследование публикуется в рамках реализации проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан 2015-2017 гг., ГФ № 1893/ГФ4, регистрационный № 0115РК01053.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 365 с.
- [2] Винник Д.Ф., Кожемяко П.Н. Памятники древнетюркской письменности из урочища Айртган-Ой. // Новые эпиграфические находки в Киргизии. – Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1962. – С. 3-10.
- [3] Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. Художественные бронзы Жетысу. – Алматы: Гылыми казна, 2013. – 120 с.
- [4] Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 332 с.
- [5] Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 300 с.
- [6] Sims-Williams N. The Sogdian Inscriptions of Kultobe: Text, Translation and Linguistic Commentary // Труды Центрального музея. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2009 – Р. 153-172.
- [7] Арсланова Ф.Х., Кляшторный С.Г. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья. // Сб. науч. трудов, Тюркологический сборник, 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 318-335.
- [8] Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. // СТОЭ. – СПб, 1897. – Вып. IV. – С. 8-38.
- [9] Ядринцев Н.М. Отчет экспедиции на Орхон в 1889 году. // СТОЭ. – 1892. – Вып. 1. – С. 25-40.
- [10] Васильев В.П. Китайская надпись на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. // СТОЭ. – 1897. – Вып. III. – С. 1-36.
- [11] Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7, und 8, Jahrhundert nach chinesischen Quellen. – I. Zeit des Ku-tu-lu (Ilters khan). // Die Altürkische Inschriften der Mongolei. Z. F., 1899. – С. 1-140.
- [12] Насилов Д.М. Памятники древнетюркской письменности (орхон-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций 1969-1974 гг.). // СТ. – 1976. – № 1. – С. 82-101.
- [13] Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков. Автореф. дис. канд. исторических наук. – Алма-Ата, 1967, 18 с.
- [14] Зуев Ю.А. О формах этносоциальной организации кочевых народов Центральной Азии в древности и средневековье: пестрая орда, сотня (сравнительно-типологическое исследование). // Сб. науч. трудов, Военное искусство кочевников Центральной Азии и Казахстана (эпоха древности и средневековья). – Алматы, 1998.
- [15] Зуев Ю.А. Создание Тюркешского каганата: история и традиция. – Сб. науч. трудов. Эволюция государственности Казахстана. – Алматы, 1996. – С. 30-34.
- [16] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Алматы: Жалын баспасы, 1998. – Т. I. – 388 с.
- [17] Giraud R. L'Empire des Turcs Celéstés. Les Règne d'Elterich, Qapghan et Bilgā (680-734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. – Paris, 1960.
- [18] Зуев Ю.А., Торланбаева К.У. Манихейство и Талас. К интерпретации древнетюркских надписей // Тамыр. – 2002. – № 1 (6). – С. 19-36.
- [19] Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 210 с.
- [20] Манихейское святилище под Таразом // Известия НАН РК. – № 2, 2003. – С. 3-6.
- [21] Boyce M. A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian. Text with Notes // Acta Iranica IX. – Lieden: Brill, 1975. – 196 p.
- [22] Henning W. B. Selected papers // Acta Iranica. – Teheran-Liege, 1977. – Vol. 14-15. – 678 S.
- [23] Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho I. T. II D 171. – Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der deutschen Turfan-Forschung. – Bd. I. – Berlin, 1972.
- [24] Кляшторный С.Г. Манихейские обитатели в стране Аргу // Туған Олке. – № 1 (6), 2006. – С. 48-50.

REFERENCES

- [1] Amanzholov A.S. Istoriya i teoriya drevnetyurkskogo pis'ma. - Almaty: Mektep, 2003. - 365 s.
- [2] Vinnik D.F., Kozhemyako P.N. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti iz urochishchya Ajrtam-Oj. // Novye epigraficheskie nahodki v Kirgizii. - Frunze: AN Kirgizskoj SSR, 1962. - S. 3-10.
- [3] Bazarbaeva G.A., Dzhumabekova G.S. Hudozhestvennyye bronzy Zhetysu. -Almaty: Gylymi qazna, 2013. -120 s.
- [4] Zuev Yu.A. Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. - Almaty: Dajk-Press, 2002. - 332 s.
- [5] Kormushin I.V. Tyurkskie enisejskie epitafii. Teksty i issledovaniya. - M.: Nauka, 1997. - 300 s.
- [6] Sims-Williams N. The Sogdian Inscriptions of Kultobe: Text, Translation and Linguistic Commentary // Trudy Tzentr'al'nogo muzeya. - Almaty: Balalar adebieti, 2009 – P. 153-172.
- [7] Arslanova F.H., Klyashornyj S.G. Runicheskaya nadpis' na zerkale iz Verhnego Priirtysh'ya. // Sb. nauch. trudov, Tyurkologicheskij sbornik, 1972. - M.: Nauka, 1973. - S. 318-335.
- [8] Radlov V.V., Melioranskij P.M. Drevnetyurkskie pamyatniki v Kosho-Tzajdame. // STOЕ. - SPb, 1897. -Vyp. IV. - S. 8-38.
- [9] Yadrintzev N.M. Otchet ekspeditsii na Orhon v 1889 godu. // STOЕ. - 1892. - Vyp. 1. - S. 25-40.
- [10] Vasil'ev V.P. Kitajskaya nadpis' na orhonskih pamyatnikah v Kosho-Tzajdame i Karabalgasune. // STOЕ. - 1897. - Vyp. III. - S. 1-36.
- [11] Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7, und 8, Jahrhundert nach chinesischen Quellen. – I. Zeit des Ku-tu-lu (Ilters khan). // Die Altürkische Inschriften der Mongolei. Z. F., 1899. – С. 1-140.
- [12] Nasilov D.M. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti (orhono-enisejskie i drevneuygurskie) v otechestvennyh

tyrkologicheskikh issledovaniyah poslednih let (obzor lingvisticheskikh publikatsij 1969-1974 gg.). // ST. - 1976. - № 1. - S. 82-101.

[13] Zuev Yu.A. Drevnetyurkskie genealogicheskie predaniya kak istochnik po rannej istorii tyurkov. Avtoref. dis. kand. istoricheskikh nauk. - Alma-Ata, 1967, 18 s.

[14] Zuev Yu.A. O formah etnosotzial'noj organizatsii kochevykh narodov Tzentral'noj Azii v drevnosti i srednevekov'e: pestraya orda, sotnya (sravnitel'no-tipologicheskoe issledovanie). // Sb. nauch. trudov, Voennoe iskusstvo kochevnikov Tzentral'noj Azii i Kazahstana (epoha drevnosti i srednevekov'ya). - Almaty, 1998.

[15] Zuev Yu.A. Sozdanie Tyurgeshskogo kaganata: istoriya i traditsiya. - Sb. nauch. trudov. Evolyutsiya gosudarstvennosti Kazahstana. - Almaty, 1996. - S. 30-34.

[16] Bichurin N.Ya. Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena. - Almaty: Zhalyn baspasy, 1998. - T. I. - 388 s.

[17] Giraud R. L'Empire des Turcs Celéstés. Les Régne d'Elterich, Qapghan et Bilgā (680-734). Contribution á L'histoire des Turcs d'Asie Centrale. - Paris, 1960.

[18] Zuev Yu.A., Torlanbaeva K.U. Manihejstvo i Talas. K interpretatsii drevnetyurkskikh nadpisej // Tamyr. - 2002. - № 1 (6). - S. 19-36.

[19] Klyashtornyj S.G. Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik po istorii Srednej Azii. - M.: Nauka, 1964. - 210 s.

[20] Manihejskoe svyatilishche pod Tarazom // Izvestiya NAN RK. - № 2, 2003. - S. 3-6.

[21] Boyce M. A Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian. Text with Notes // Acta Iranica IX. - Liège: Brill, 1975. - 196 p.

[22] Henning W. B. Selected papers // Acta Iranica. - Teheran-Liege, 1977. - Vol. 14-15. - 678 S.

[23] Le Coq A. von. Türkische Manichaica aus Chotscho I. T. II D 171. - Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der deutschen Turfan-Forschung. - Bd. I. - Berlin, 1972.

[24] Klyashtornyj S.G. Manihejskie obiteli v strane Argu // Tugan Ulke. - № 1 (6), 2006. - S. 48-50.

ТҮРКІ РУНИКАЛЫҚ ЖАЗБА ЕСКЕРТКІШТЕРІ ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫНЫҢ ДЕРЕККӨЗІ РЕТІНДЕ

К.Ө. Торланбаева

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының
бас ғылыми қызметкері, т.ғ.д.

Түйін сөздер: руникалық ескерткіштер, тарих, деректану, түркілер, Қазақстан, Орталық Азия.

Аннотация. Бұл мақалада автор түркі руникалық жазба ескерткіштерін Қазақстан тарихының дереккөздері ретіндегі маңызын зерттейді. Зерттеу нысаны ретінде тек Қазақстан аумағында табылған руникалық жазбалар ғана емес, сонымен қатар Моңғолия жеріндегі Үлкен ескерткіштер де алынып отыр. Шығыс түркілерінің түркілерге қарсы жасаған жорғына байланысты оқиғалар Қазақстан тарихына, соның ішінде оны мекен еткен көшпелілерге де, отырықшы халықтарға да тікелей қатысы бар.

Зерттеудің методологиялық негізі руникалық жазба ескерткіштері бойынша қазақстандық зерттеулерге тарихнамалық талдау жасау болып табылады. Талдау негізіне А.С. Аманжолов пен Ю.А. Зувтың монографиялық еңбектері қойылған.

Зерттеу нәтижесі Қазақстанның ерте ортағасырлық тарихында түркі-түркен қарым-қатынастарымен және Жетісуда автохтондық биліктің бекітілуімен байланысты айтарлықтай оқиғалардың болып өткені туралы қорытынды болып табылады.

Алынған нәтижелер Қазақстан мен іргелес елдер тарихы бойынша сараптамалық жұмыстар барысында қолданыла алады. Нәтижелердің қолдану саласы түркітану, деректану және түркі халықтарының тарихы болып табылады.

Поступила 16.05.2016 г.